

Иван Стаднюк

Война (фрагмент)

Книга первая

1

Федор Ксенофонтович оказался единственным пассажиром в купе, поэтому можно было сидеть в сумерках, не зажигая света, и с грустным наслаждением ощущать свое одиночество. Устремив глаза в открытое окно, дышавшее упругой свежестью, он устало смотрел, как уплывал в белую ночь Ленинград, бледно мерцая электрическими огнями. Не хотелось даже пошевелить руками, чтобы расслабить пояс на гимнастерке, словно из боязни всколыхнуть теснивший грудь холодок, уже начавший постепенно таять.

Каждый раз, как только надо было куда-то уезжать, оставляя семью, генерал-майор Чумаков испытывал гнетущее чувство тоски и тревоги. А военная служба - это частые расставания, и порой на долгое время. Никак не привыкнуть к ним, не научить свое сердце безмятежности, хотя позади уже много дорог, на висках немало серебра, а на малиновых петлицах золото первых генеральских звезд.

В этот отъезд у Федора Ксенофонтовича был совсем неожиданный повод для грусти и для тревоги, которые тяжестью залегли в сердце и заставляли с горестью размышлять о том, что жизнь негаданно позволяет делать открытия даже там, где их давно не предполагаешь да и не хочешь предполагать.

Ехал Федор Ксенофонтович в Москву в общем-то по обычному для военного человека делу - за назначением на новую должность. И хотя перемена места службы, места жительства всегда волнует и доставляет немало хлопот, связанных с предстоящим переездом семьи, но на сей раз, как никогда раньше, генерал Чумаков покидал жену и дочь с беспокойной душой.

Чуть больше года назад, когда Федор Ксенофонтович вернулся с финского фронта, они с Ольгой Васильевной торжественно отметили двадцатилетие своего супружества и шестнадцатилетие дочери Ирины. Несмотря на годы, Ольга не

отпускает его сердце на покой: одним взглядом, одной улыбкой словно заново раздувает в нем юношеский жар скрытой за сдержанностью характера любви к ней. Эта любовь, как временами казалось Федору Ксенофонтовичу, размывает в нем волю и способность отдавать главные силы службе, гасит желания, которые, возможно, и являются подлинным мерилем глубины его сердца, устремлений ума и совести.

Познакомились они с Ольгой еще в двадцатом, когда он, Федя Чумаков, лихой кавалерист, приехал с Южного фронта в Москву в военную академию для прохождения ускоренного курса обучения. Однажды явился, как было приказано старостой группы, домой к профессору военной истории Нилу Игнатовичу Романову, чтобы взять в его библиотеке учебные пособия. Но профессора дома не оказалось, зато встретил там юную его племянницу Олю, большеглазую, нежноликую, умевшую вести непринужденный разговор с такой милой веселостью, что с того необыкновенного дня и плавится в сладкой боли потрясенное солдатское сердце... Долго не мог поверить в свое счастье, не мог постигнуть, как это он, бывший сельский парень, взял в жены такую красивую девушку.

Прошло время, перебродил хмель молодости, житейская обыденность притушила восторженные порывы, но любовь осталась нерастраченной; прижилось в их семье тихое счастье, наполненное заботами друг о друге и об Ирине - славной девчужке, а сейчас уже девушке, которая сумела повторить и как-то по-особому, с уклоном в чумаковскую породу, дерзко утончить в своем облике красоту матери.

Только сейчас простился с ними на перроне, еще будто слышались их нежные и такие милые, родные голоса. Но почему же томит эта смутная тревога?..

В первые годы после того, как они поженились, он испытывал ту неумную восторженность, когда, казалось, невозможно было терпеть разлуку. Всегда возвращался из командировки или с работы домой, будто на крыльях летел, и задыхался от счастья близкой встречи. Ему льстило, что, куда бы ни забрасывала его судьба - в самый отдаленный гарнизон или опять в столицу, в академию, - ни одна из жен сослуживцев или однокашников по учебе не могла соперничать привлекательностью с Ольгой. Но это иногда и пугало: ведь знал, что среди мужского

племени есть злые бесы, не терпящие чужого счастья и не ведающие запретных порогов. И не только знал, а не раз наблюдал, как на праздничных вечерах или в библиотеках (Ольга Васильевна окончила библиотечный институт) вокруг его жены увивались гарнизонные хлюсты. А случалось, и весьма солидные люди... Но не было у него повода ревновать жену. Он, познавший жизнь со многих сторон, будто умел видеть и слышать сердцем. Ольга всем своим поведением являла олицетворение верности. Всегда ощущал ее ласкающие взгляды, будто осыпавшие искрами его душу, понимал ее мимолетную улыбку на подвижных губах...

Нет, никогда не имел он оснований упрекать в чем-либо жену. Однако временами досадовал на ее, может, неосознанное, безвинное, но все-таки кокетство. Старался не обращать внимания на то, что Ольга постоянно помнила о своей привлекательности, что глаза ее всегда искали зеркало. Но раздражался, когда на людях жена нет-нет да и сверкнет по сторонам темно-синими тревожащими глазами или поведет ими с нарочитой ленивой медлительностью. И если поймает на себе чей-то восхищенный взгляд или заметит, что вокруг нет женщин краше и наряднее ее, сразу будто светлеет лицом, оживляется, делается еще внимательнее к мужу, еще приветливее, то и дело беспричинно обнажая в улыбке ровные белые зубы. Тогда в нем поднимается вихрь протеста: ему вдруг начинает казаться, что в поведении Ольги все напускное и манерное, даже это любовное внимание к нему. Иногда он не сдерживался и попрекал ее, на что она в ответ, на мгновение изумившись, тут же весело хохотала и, поигрывая гнутыми бровями, говорила всякие нежные глупости; казалось, сама мысль о том, что муж ревнует, забавляла и даже радовала Ольгу. А дома потом насмешливо выговаривала ему, что он лишен рыцарских наклонностей, не умеет с юмором смотреть на женские слабости, не хочет понять, что красивая женщина для того и красива, чтобы возбуждать к себе любопытство и своей красотой нести добрым душам радость, а завистливым - огорчения.

Позавчера вечером произошел между ними неожиданный для Федора Ксенофоновича и поразивший его разговор. В конце ужина Ольга отодвинула от себя тарелку, устремила на него чуть грустные глаза и вдруг заговорила каким-то непривычным голосом:

- Вот ты меня, бывает, ревнуешь по пустякам и без всякого повода... Она внимательно начала рассматривать длинные ногти на

своих руках. - А знаешь ли, Федор, что до того, как мы с тобой познакомились, у меня был молодой человек?..

- Как это понимать? - спросил он после напряженной паузы, не в силах постигнуть смысла услышанного. Его больше поразило не само признание, а виноватость в чуть побледневшем лице жены.

- Был знакомый паренек... Жених...

- Ты его... любила?

Расширившиеся глаза Ольги обдали Федора Ксенофонтовича холодным светом, и она, будто сожалея, что затеяла этот разговор, нехотя ответила:

- Вообще-то он мне нравился... Потом его взяли на фронт бить Колчака... И вдруг ты вскружил мне голову. - Ольга неожиданно засмеялась тем знакомым смехом, который всегда умиротворял его.

Он постарался не поддаваться чарам ее смеха и спокойно, даже слишком спокойно, так, что удивленно взметнулись длинные ресницы над ее глубокими темно-синими глазами, спросил:

- Почему же ты скрывала?

- Я не скрывала... Нечего было скрывать.

- Ты потом держала перед ним ответ? - Федор Ксенофонтович сам испугался своего вопроса, заметив, как в лице Ольги промелькнуло что-то чужое: ему погрезилось, что он сейчас услышит от нее какое-то страшное признание.

Но Ольга вдруг опять расхохоталась, всплеснула руками. Тут же она умолкла, с ее лица медленно сползла улыбка, делавшая ее очень красивой, и посмотрела на него с какой-то набожной серьезностью.

- Как ты мог подумать?.. - тихо произнесла Ольга. - Клянусь счастьем Ирины, я в жизни, кроме тебя, никого не любила.

Он не знал, что ответить, и спрятал глаза. Ольга вдруг заплакала.

В это время в передней раздался звонок. Ольга вскочила со стула и выбежала на кухню. Федор Ксенофонтович отправился открывать дверь.

Пришла Ирина. Не пришла, а веселым вихрем ворвалась в квартиру. Чмокнула отца и затараторила о том, что у них в пятницу выпускной вечер и что поэтому все девчонки помешались на новых платьях, а мальчишки бесконечно совещаются, как понезаметнее принести в школу на этот вечер выпивку.

Обычно в такие минуты, когда дочь возвращалась домой и выкладывала свои школьные новости, Федор Ксенофонтович всегда исподволь любовался ее веселой подвижностью и восторженностью. Во всем ее облике и поведении уже угадывалось скорое рождение того великого женского начала, для объяснения сущности которого никто никогда не найдет точных слов, хотя без него не приходят ни настоящая любовь, ни материнство, хранящее бессмертие и силу рода человеческого. Всегда поражался неумемной энергии Ирины, умевшей одновременно есть кашу, напевать новую песенку, косить глаза на себя в зеркало, рассказывать что-то матери да еще пришлепывать под столом подошвами комнатных туфель. Но на этот раз все внимание Федора Ксенофонтовича было устремлено на кухню: в ушах еще стояли всхлипывания Ольги.

- Как поживает наша мама? Где она? Почему не выходит встречать свою ненаглядную дочь? - Ирина сыпала вопросами и, не дожидаясь на них ответов, уже вертелась перед зеркалом, снимая с себя берет и поправляя коротко остриженные волосы.

- Я, как всегда, на посту, доченька, - слышался спокойный и даже веселый голос Ольги Васильевны.

Федор Ксенофонтович оторопело оглянулся и увидел, что жена вносит в столовую чашки с чаем. Ни следа слез, ни тени раздраженности на ее лице. Федору Ксенофонтовичу стало не по себе от такого самообладания.

Расставляя на столе чашки, она смерила мужа будто оценивающим взглядом; тут же, картинно опустив глаза, снисходительно хмыкнула, чуть шевельнув уголками губ и раздув ноздри тонкого, прямого носа, а затем, давая понять Ирине, что они с отцом продолжают ранее начатый разговор, произнесла:

- Так я тебе не досказала. - Ольга посмотрела на Федора Ксенофонтовича предупреждающе. - Сегодня днем иду я по Невскому, и вдруг меня окликают. Оглядываюсь - он! Сергей!..

- Ты о ком? - сам не зная для чего, спросил Федор Ксенофонтович, хотя сразу же понял, о ком велась речь.

В сузившихся глазах Ольги мелькнула укоризненная насмешка.

- Да о нем же, о том бывшем парне!.. - И она загадочно засмеялась. У него сейчас седины в голове больше, чем у тебя... Доктор наук, инженер! А рядом с ним, вижу, жена... Бедный Сережка! И где он ее выкопал, такую некрасивенькую?

Федор Ксенофонтович, будто сдаваясь, присел к столу.

- Так что, Федя, - продолжила Ольга Васильевна, коротко вздохнув, жди в воскресенье к обеду гостей.

- Я на рыбалку в воскресенье собрался! - вскинулся Федор Ксенофонтович, чувствуя, что не может совладать с раздражением.

- Пожертвуй, Федик, рыбалкой... - Ольга посмотрела на него с мольбой. - Я ведь их уже пригласила. Познакомитесь...

...За окном вагона гулко зашумели фермы моста, по которому проходил поезд. Только сейчас Федор Ксенофонтович заметил, что Ленинград остался позади, в бледных сумерках белой ночи.

Не пришлось ни на рыбалку поехать, ни неожиданных гостей встречать. До воскресенья еще два дня, а он уже по срочному вызову в пути.

"Ты, Феденька, обязательно звони, - вспомнилось, как наказывала жена, когда они шли вдоль поезда к мягкому вагону. - Завтра вечером позвони из Москвы, потом из Минска... А в воскресенье, где бы ты ни был, обязательно позвони! Слышишь?"

Это "слышишь" почему-то кольнуло в груди, прозвучав, как какое-то предостережение. Он понял: Ольга хочет, чтобы он позвонил именно тогда, когда она будет принимать гостей.

Впереди, рядом с носильщиком, шла, размахивая сумочкой, Ирина и стригла по сторонам глазами. Это тоже легло тяжестью на сердце: не нравилось Федору Ксенофонтовичу, что дочь переняла привычку матери поглядывать на людей, будто с вызовом спрашивать их: "А видите, какая я красивая?!"

Кто-то постучался в купе, вспугнув мысли Федора Ксенофонтовича. Взвизгнула дверь, и в образовавшуюся щель заглянула проводница.

- Чаю хотите? - спросила она.

- Благодарю вас, поздно, - ответил Федор Ксенофонтович.

Дверь задвинулась, и он уже начал думать о службе, о том, что в спешке не мог по обычаю устроить проводы-вечеринку, перенося ее на то время, когда придет забирать семью. Уехал, словно в командировку.

Все случилось неожиданно. Еще сегодня утром генерал-майор Чумаков совещался в кабинете командующего: ломали голову, как продолжить начатое недавно укрепление командного звена войск округа.

Покачивание вагона, монотонный перестук колес и стремительная темная река ночного леса за окном - все это сливалось в своеобразное безмолвие, рождающее неторопливый и непоследовательный поток мыслей... Мелькнула и тут же угасла прощальная напутственная улыбка командующего. А не будет ли упреков вслед? В такой спешке сдавал дела, подписывал акты. Не успел подготовить командующему представления в наркомат на двух командиров дивизий. Попросил, чтобы это сделал заместитель... А если говорить правду, нет у Федора Ксенофонтовича уверенности, что молодые командиры полков Афанасьев и Вихрев, хоть люди они и толковые, уже смогут командовать дивизиями.

А как он сам, генерал Чумаков? Справится ли с механизированным корпусом? Дело ведь новое. Впрочем, не совсем новое: еще в тридцать втором году были созданы в Красной Армии такие соединения. Но в тридцать девятом, то ли не очень пристально всмотревшись в особенности и трудности войны в Испании, то ли еще по каким причинам, решили, что более мелкими бронетанковыми формированиями удобнее будет маневрировать в бою... А жизнь - тетка суровая и мудрая - заставила вскоре спохватиться. Сам Федор Ксенофонтович корпел над иностранными и отечественными материалами, обобщал опыт действий германских танковых групп в Западной и Юго-Восточной Европе; потом выступил со статьей в журнале. Заметили... Неделю назад позвонил ему из Москвы маршал Шапошников, который ныне руководил строительством оборонительных рубежей и укрепленных районов вдоль западных границ. Борис Михайлович сказал похвальные слова о статье и попросил сформулировать на бумаге, с учетом маневренных действий германских войск в наступательных операциях, основные принципы контрдействий обороняющейся стороны, с тем чтобы это учитывать при сооружении укрепрайонов. Такое поручение польстило самолюбию Федора Ксенофонтовича. Он несколько ночей с упоением сидел за письменным столом и сейчас везет с собой небольшой трактат, чтобы вручить его маршалу...

Да, заметили, видать, прогрессивные взгляды генерала Чумакова на современное оперативное искусство и, наверное, решили: раз ты такой ярый сторонник крупных механизированных соединений, формируй одно из них и команду.

Но почему такая экстренность? Сегодня утром, когда Федор Ксенофонтович вернулся в свой кабинет, зазвонил телефон прямого провода. Снял трубку и услышал голос подполковника Рукатова, работника Управления кадров РККА.

"С новым назначением вас, Федор Ксенофонтович! - приторно-учтивым голосом заговорил Рукатов. - Шифровку с приказом наркома получили?"

"Нет, не получил. А что за назначение?"

"Телеграмма послана. Вам, дорогой Федор Ксенофонтович, завтра утром надлежит быть в Москве. Вы назначены командиром мехкорпуса, так что поздравляю!"

Как же это так вдруг? Почему такая скоропалительность?.. Федор Ксенофонтович не мог собраться с мыслями. Верно, не очень давно в наркомате спрашивали, как он отнесется к тому, если ему предложат корпус в Западной Белоруссии или на Украине. Но ничего конкретного.

"Мне нужно время, чтобы сдать дела здесь", - подавляя в себе смятение, сказал он в телефонную трубку.

"Надо успеть, товарищ генерал. Приказ! - Подполковник Рукатов уже говорил таким тоном, будто он живое олицетворение этого приказа. Но тут же со смешком заметил: - Наше дело - передать, мы тут, в Москве, люди маленькие, исполнители, так сказать".

На душе стало скверно. Понимал: было неприятно, что именно Рукатов сообщил ему о приказе.

Алексей Рукатов... 1925 год. Далекое городишко Заполье, барачные казармы, прижатые хвойным лесом к реке, просторный песчаный плац в жарком сиянии солнца... Там впервые и встретился с Рукатовым Федор Ксенофонтович, присланный в Заполье сформировать и возглавить стрелковый полк.

В расположении роты Рукатова он во всем увидел порядок. Только отчего такая общая угрюмость на лицах обитателей казармы? Поначалу Федор Ксенофонтович не придавал этому значения, решив, что своим внезапным приходом смутил бойцов. А потом стали поступать рапорты взводных командиров с просьбой перевести их от Рукатова в другие подразделения. Чумаков вызвал командира роты.

И сейчас Федору Ксенофонтовичу помнятся ничего не выражавшие, неподвижные глаза Рукатова. "Почему не ладите со

взводными?" - "Они контрики, товарищ комполка!" - "Доказательства есть?" - "Постараюсь добыть, товарищ комполка!" - "Почему рота отстаёт в боевой подготовке?" "Сплошные симулянты, товарищ комполка!"

Федор Ксенофонович решил было, что, может, такие ответы отчасти вызваны односложностью его вопросов, и, устыдившись своей прямолинейности, завел с Рукатовым разговор, тоже, в общем, элементарный, о том, что значит быть начальником над многими, самыми различными по характерам, умственным способностям и образованию людьми. Разговора не получилось. В неподвижных глазах Рукатова, будто выглядывавших из нор, проступал страх, иногда мелькала какая-то мысль, тогда зрачки его скользили в сторону, а губы шевелились, и казалось, командир роты сейчас выскажется, но... мысль в глазах тут же угасала, и все кончалось вздохом и коротким обещанием: "Будет исправлено, товарищ комполка!"

Чумаков так и не сумел вывести Рукатова из столбнячного состояния.

Во время показательных занятий по тактике батальонный командир поручил Рукатову командовать головной походной заставой на марше батальона. И Чумаков еще раз убедился, что на простейшие вводные Рукатов не умел принять никакого решения. Выпятит грудь, выпучит глаза и испуганно-надрывным голосом вопит: "Вперед, за мной!.." А куда "за мной", каким боевым порядком, на какой рубеж, с какой задачей - об этом он в паническом рвении забывал даже подумать.

Федор Ксенофонович взмолился перед штабом дивизии: замените неспособного командира роты. Оттуда с раздраженным назиданием ответили: "Способные сами не рождаются, учите".

И вот однажды пришел в полк приказ: откомандировать трех лучших ротных на переподготовку. Поколебался Федор Ксенофонович и поступился своей совестью, правда утешаясь слабым аргументом: пусть Рукатов поучится всерьез. Ожесточившись, подписал на него довольно туманную, но, в общем, положительную характеристику.

Спустя полгода Рукатов торжественно припожаловал в полк с назначением на должность командира батальона. Выписку из приказа о назначении Рукатова Федор Ксенофонович читал с тем изумлением, которое почти отнимает дыхание. Возмущенный до

бешенства чьей-то, как показалось, злой шуткой, он позвонил в штаб дивизии, но... последовал неотразимый по своей логичности ответ: "Вы же сами рекомендовали его как лучшего командира роты на учебу!"

Все тогда случившееся Чумаков воспринял как тяжелое возмездие судьбы за проявленную беспринципность. Рукатов вступил в командование батальоном.

Федору Ксенофонтовичу сейчас вспомнился тот далекий Рукатов-комбат, вспомнились с таким ясным воскрешением в памяти картины полковой жизни, что в купе запахло размороженным на солнце сосновым лесом, который сплошной стеной охватывал военный городок. И будто слышался на раскаленном песчаном плацу голос командира батальона Рукатова. Переполненный ощущением своей власти, своей исключительности и важности, Рукатов держался перед подчиненными с подчеркнутой раскованностью. В его поучениях, указаниях сквозила такая дремучая узость ума и знаний, такое пренебрежение к подчиненным, что Федор Ксенофонтович, когда слышал все это, приходил в отчаяние. Ведь, как правило, командирами становились лучшие ребята - цвет народа! А тут вдруг... И жалко было обманувшегося в своем призвании Рукатова, и стыдно за него, и надо было спасать дело. Ротные командиры за какой-нибудь месяц почернели от "общения" с новым начальством.

Не сразу удалось спровадить Рукатова из полка. Прощаясь с ним, Чумаков сказал все, что думал о его способностях, характере, и посоветовал никогда не занимать командных должностей. Но тот остался самим собой: опять какие-то курсы, опять где-то служба, потом женитьба на великовозрастной и некрасивой дочери знакомого Федору Ксенофонтовичу командира полка... Видать, еще не один начальник избавлялся от Рукатова, "выдвигая" его то на учебу, то еще куда-нибудь. Иначе никак не попасть бы ему в академию...

В 1937 году Рукатов, не подозревая, что Чумаков находился в то время в Испании, попытался свести с ним счеты. Один знакомый чекист, с которым Федор Ксенофонтович встретился после возвращения, доверительно рассказал об анонимных письмах с тяжелыми обвинениями, предъявляемыми ему, бывшему командиру запольского полка, а затем слушателю военной академии Чумакову. За убогим содержанием этих обвинений перед Федором

Ксенофонтовичем замаячила знакомая и уже зловещая фигура Рукатова. Чумаков сказал о своей догадке чекисту, и тот с удивлением подтвердил: действительно, в некоторых доносах среди свидетелей "контрреволюционной деятельности" командира полка Чумакова упоминалась и эта фамилия.

А в прошлом году, приехав в Наркомат обороны, Федор Ксенофонтович столкнулся с Рукатовым в лифте. Уже подполковник, раздобревший, краснолицый, с благородной сединой на висках. Обрадованно жал руку генералу, говорил какие-то слова, а глаза, как и прежде, были неподвижные, настороженные, будто живущие своей самостоятельной жизнью. Узнал Федор Ксенофонтович, что Рукатов, как тот выразился сам, "столоничальник" в Управлении кадров. Не хотелось в это верить, ибо в армии существует святой своей непреложностью закон: "на кадры" назначать самых дельных, мудрых и абсолютно во всем порядочных людей. Но может, изменился человек, набрался ума-разума?..

Как бы то ни было, но хорошо, что до него, генерала, Рукатов уже не сможет дотянуться. Знал Федор Ксенофонтович, что любой командир, где бы он ни служил, ходит в страхе божьем, если считает, что где-то "в кадрах" сидит человек, которому известны какие-то его слабости или грехи: трудно тогда бывает с повышением в звании, в продвижении по службе, зато легко попасть в Кушку или еще куда-нибудь подальше. Тягостное это чувство.

"...Лучшее лекарство от оскорблений - забвение". Федор Ксенофонтович, включив в купе свет, начал раздеваться, чтобы лечь спать.

Уже засыпая, сморенный всем, что свалилось на него в этот трудный день, припомнил горькую истину: опасайся того, кто тебя боится, и помни, что подлая душа всегда предполагает самые низкие побуждения в самых благородных поступках.

2

К началу рабочего дня Федор Ксенофонтович уже был в Наркомате обороны. Не хотелось, но надо было начинать со встречи с Рукатовым: в ведении "кадровика" находится "личное дело". В этой папке с подшитыми и пронумерованными бумагами

запечатлена вся жизнь Федора Ксенофонтовича - от рождения, от первого дня службы в 1914 году рядовым пехотного полка до настоящего времени.

Войдя в кабинет, где, судя по столбику фамилий на дверях, должен был находиться подполковник Рукатов, Федор Ксенофонтович увидел несколько столов, загроможденных папками, и за каждым столом - склоненную над бумагами голову.

Из-за раскрытой створки шкафа выглянул на стук двери Рукатов. Лицо его рассекла широкая улыбка.

- Заходите, дорогой Федор Ксенофонтович! - Рукатов опрометью кинулся навстречу с протянутой, чуть подрагивающей рукой.

- Здравия желаю, товарищ генерал! Вот, товарищи, знакомьтесь, мой бывший командир полка... Я вам рассказывал.

А глаза, глаза Рукатова! Когда-то он уже видел такое выражение глаз... В их селе Чернохлебовке, что под Харьковом, как-то оказался бродячий цирк. На выгоне сколотили помост, и при великом стечении народа началось представление. Всех поразил фокусник, тащивший изо рта несметное количество лент. Потом фокусник, посмотрев на ребятню, сидевшую у самого помоста, поманил пальцем двенадцатилетнего Федьку Чумака, как звали его в Чернохлебовке. Когда похолодевший Федька поднялся на помост, фокусник поднес к его лицу шляпу и умоляюще зашептал: "Говори, что пустая, пятак получишь". В шляпе лежали два куриных яйца, и Федька скривил в ухмылке губы. Но вдруг увидел перед собой глаза фокусника - настороженные и кричащие такой мольбой и мукой!.. А на лбу - мелкие росинки пота. "Говори, что пустая", - с дрожащей улыбкой упрашивал он. Федьке до слез стало жалко фокусника. Повернувшись к толпе и опустив глаза, он сказал: "В шляпе ничего нема".

Что потом сделал фокусник, Федор Ксенофонтович уже не помнит... Сейчас он увидел точно такие глаза у Рукатова. И еще заметил, что все в кабинете с превеликим любопытством наблюдали за их встречей.

Генерал, испытывая мучительную неловкость, стал по очереди здороваться со всеми за руку. А подполковник Рукатов, обращаясь к сослуживцам, не унимался:

- Прямо скажу, в люди меня вывел Федор Ксенофонтович! Век не забуду!

- Не преувеличивайте, товарищ подполковник, - с жесткой улыбкой заметил Чумаков, усаживаясь на стул, предложенный Рукатовым. - Всех нас в люди вывела армия.

- Верно говорите, товарищ генерал, но прямо вам скажу: вы молодцом выглядите, хоть поседели заметно, - без всякой последовательности перевел разговор Рукатов. - А я сдал, списали меня со строевой и вот доверили кадры. Трудная это работа, судьбы людей решаем, а от этих судеб зависит боевое могущество армии...

- Так какой у нас план действий? - нахмурившись, перебил его Федор Ксенофонович. Заметив ухмылки сослуживцев Рукатова, с неприязнью подумал: "Догадываются же, что за фрукт с ними работает, а терпят..."

- Значит, так. - С лица Рукатова смыло улыбку, и он уставился перед собой остекленевшим взглядом. - Сейчас я вас сопровожу к начальнику нашего отдела, а он уже по инстанции... Командира корпуса может пожелать принять и нарком.

- А где хоть штаб корпуса дислоцируется? - поинтересовался Федор Ксенофонович.

- Там где-то, в Барановичской области. - Рукатов беспомощно оглянулся на сослуживцев.

- В Крашанах, - подсказал кто-то.

Когда шли по мрачному коридору, Рукатов вдруг таинственно зашептал:

- Федор Ксенофонович, если хотите, можно вас оставить в Московском округе. На такой же должности!.. Я ведь в курсе: у вас Ольга Васильевна почками хворает, а дочка, кажется, десятилетку должна была окончить...

"Все знает, подлец", - с досадой подумал Чумаков.

- Я начальству говорил, - преданно добавил Рукатов. - Стоит вам только намекнуть...

- Нет, товарищ Рукатов. В армии должностей себе не выбирают.

Остановились у двери с табличкой "Полковник Микофин С. Ф."

- Семен Филонович? - удивился Чумаков, указывая на табличку.

- А вы разве не знали, что он мой начальник? - каким-то вдруг деревянным голосом ответил Рукатов, и даже в полумраке

коридора можно было разглядеть его помертвевшие глаза. - Мы именно к нему. Он ждет.

Федор Ксенофонович все понял и решительно открыл дверь.

За столом сидел постаревший и полысевший Сеня Микофин... полковник Микофин... Сколько лет не виделись!

Микофин поднял голову и тут же, засветившись радостью, вскочил:

- Заходи, дружище! Жду не дождусь!

Обнялись, расцеловались.

- Можете быть свободны, - сказал Микофин Рукатову, не глядя на него.

- Ты давно работаешь в наркомате? - не мог прийти в себя от такой неожиданной встречи Чумаков.

- Уже два года. И все удивляюсь, почему не заходишь. Бываешь же в Москве?

- Не знал, что ты тут!

- Как не знал?! А Рукатов?.. Он о тебе мне все докладывает...

Слушай, Федор, ну и удружил ты мне с этим Рукатовым!

- Я? Каким образом?

- В позапрошлом году прислали мне его в отдел на вакантную должность. Знакомлюсь с "личным делом", читаю характеристику, подписанную тобой еще в двадцать пятом. Ну, думаю, раз Федя Чумаков хвалит, значит, человек стоящий. Воспитанник твой, батальоном под твоим началом командовал. Вот и взял. А оказалось, дрянь человек, будем увольнять из армии.

- Мать моя родна-ая! - Федор Ксенофонович отмахнулся рукой и зашелся удушливым смешком. - Помилуй меня бог от таких воспитанников! Я горячими слезами плакал от него!..

Не чаял генерал Чумаков, что ему придется еще немало и с большой горечью размышлять над тем, откуда берутся рукатовы, рождаются ли они как закономерность в сложностях человеческого бытия, всплывают ли на поверхность в особых условиях, когда поток жизни устремляется по новому руслу, взвихривая все дремлющее на пути, или ими становятся духовные уродцы, наглеющие при попустительстве общества... Сложна и извилиста иная судьба человеческая.

3

Осенний деревьями Гоголевский бульвар томился в солнечном жару июньского дня. Генерал Чумаков, выйдя за могучую стену, отделявшую строгий комплекс зданий Наркомата обороны от бульвара, покосился на манящую тень за решетчатой оградой и вытер вспотевший затылок. Хотелось немного посидеть на бульваре, собраться с мыслями. Пошел вверх, к Арбатской площади, то и дело отвечая на приветствия военных, подождал, пока прогрохотал мимо трамвай, и повернул к памятнику Гоголю; великий писатель в глубокой скорби размышлял над всем, что постиг и чего не постиг в суетности отшумевшей для него жизни.

Присел на крайнюю скамейку, затененную наполовину, снял фуражку и закурил. Итак, сегодня вечером Сеня Микофин провожает его в Минск. В наркомате разговоры свелись к одному: комплектование корпуса личным составом, по донесениям из штаба округа, через месяц заканчивается, хуже дело с оружием и техникой, но к осени округ должен получить все, что надо.

Когда Чумаков был на приеме у начальника Главного автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенанта Федоренко, то спросил у него как бы между прочим:

- Яков Николаевич, чем вызвана такая спешка с моим назначением? В течение нескольких часов я должен был успеть сдать дела.

- Разве? - Федоренко с удивлением вскинул брови. - Тебя должны были предупредить. Это непорядок. - Он что-то записал в календаре. - Но ехать к месту службы надо безотлагательно... Тревожно на границе.

- А как же понимать недавнее сообщение ТАСС? - не удержался Чумаков.

Яков Николаевич помолчал, подумал и будто с неохотой заговорил:

- Сообщение ТАСС - это акция внешнеполитического курса государства... Ты же знаешь известную формулу, что война есть продолжение политики иными средствами. Пока нет войны, от нас, военных, требуется одно: крепить боевую мощь и быть наготове, но... не демонстрировать ни своих опасений, ни своей подготовки. Избегать каких бы то ни было конфликтов. Даже случайный выстрел на границе с нашей стороны может рассматриваться как провокация.

Потом Чумаков направился к маршалу Шапошникову, чтобы доложить о том, что статья уже готова. Но только переступил порог приемной, как увидел маршала, выходящего из своего кабинета. Озабоченный, с хмурым лицом, Борис Михайлович куда-то спешил. Торопливо поздоровавшись с Чумаковым, взял у него папку с десятком страниц машинописного текста, поблагодарил и, узнав, что тот сегодня уезжает в Минск, попросил завтра обязательно позвонить ему оттуда...

Даже в тени бульвара было душно. Рядом на скамейке, смахнув с нее соломенной шляпой невидимую пыль, уселся розовощекий старик с газетой в руках. Федор Ксенофонтович заметил, как старик, разглаживая белые усы, косит на него любопытствующий взгляд, и понял, что тот сейчас попытается затеять разговор. А генералу было не до разговоров. Перед отъездом он еще должен побывать в магазине военной книги, в редакции журнала "Военная мысль" и навестить Нила Игнатовича Романова - своего старого учителя, профессора и генерала, которому обязан еще и тем, что в его доме познакомился с Ольгой. Чумаков очень любил встречаться с профессором, любил вести с ним доверительные разговоры о всевозможных проблемах и сложностях жизни. И так уж повелось, что в каждый приезд в Москву Федор Ксенофонтович обязательно хоть час, да находил для встречи со стариком то ли у него дома, то ли на кафедре в академии.

Федор Ксенофонтович, бросив недокуренную папиросу в урну, поднялся со скамейки и направился к ближайшему телефону-автомату. Набрал знакомый квартирный номер. Ответила старенькая супруга профессора - Софья Вениаминовна. Назвав себя и поздоровавшись, Федор Ксенофонтович услышал в ответ сдержанный плач.

- Тяжко хворает наш Нил Игнатович, - сквозь слезы жалобно рассказывала Софья Вениаминовна. - Лежит в госпитале в Лефортове и велел никого к нему не пускать. Но ты, Феденька, поезжай... Умирает...

- Как он? - упавшим голосом спросил Чумаков у пожилого врача, прежде чем зайти в палату к Нилу Игнатовичу.

- Лучше... Какая-то потрясающая ясность мысли, - задумчиво ответил врач. - Но мне это не нравится...

В палате устойчиво пахло лекарствами, хотя огромное окно было раскрыто настежь и в него заглядывала влажная зелень ухоженных деревьев госпитального парка. Казалось, что лекарственный запах источали голые стены палаты, белые спинки кровати, на которой лежал под простыней профессор Романов, белая тумбочка у его изголовья.

Может, именно от этой наполняющей комнату белизны усохшее лицо Нила Игнатовича Романова казалось таким болезненно-бледным, даже пепельным. Серые усы профессора поредели и потеряли живой блеск, нос истончился, и было удивительно, как держится на нем изящное старомодное пенсне. Старческие водянистые глаза светились под стеклами мудрой грустью и осознанной отрешенностью.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул.Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул.Советская, 20, 2 этаж.